

Министерство высшего и среднего специального образования Республики
Узбекистан

Андижанский государственный университет имени З.М.Бабура

Кафедра филологии

На правах рукописи

Иминова Гульноза

Языковые особенности диалогии п.и. мельникова «в лесах» и «на горах»

написана для получения академической степени бакалавра по направлению

5141300 – родной язык и литература (русский язык и литература)

Научный руководитель:
преподаватель Хожимуродова О.

Андижан – 2013 год

“Рекомендую к защите” -

Научный руководитель:

“ _____ ” 06.2013.

“Рекомендую к защите” -

Зав.кафедрой, проф.

Ш.Шахабиддинова

“ _____ ” 06.2013.

“Рекомендую к защите” -

Рецензент:

“ _____ ” 06.2013.

“Рекомендую к защите” -

Декан факультета, доц.

З.Кадиров

“ _____ ” 06.2013.

Содержание :

Общая характеристика работы	4
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Диалогия П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах» - в золотом фонде русской национальной культуры.....	7
§1. Очерк жизни и творчества П.И. Мельникова.....	7
§2. История создания диалогии.....	11
§3. Основные герои романов «В лесах» и «На горах» П.И. Мельникова.....	12
ГЛАВА ВТОРАЯ. Языковые особенности диалогии П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах».....	16
§1. Выразительные средства языка.....	16
§2. Фольклорные мотивы в диалогии.....	23
2.1. Истоки фольклорности в творчестве П.И. Мельникова...	23
2.2. Фольклорность языка диалогии.....	25
§3. Лексические особенности диалогии.....	47
Заключение.....	54
Список литературы.....	56

Общая характеристика работы

Вклад П.И. Мельникова (А. Печерского) в русскую литературу значителен. Не много найдется писателей, которые до конца дней своих сохраняли такую тесную связь с провинцией и служили делу изучения народной жизни и народного языка. Созданные им произведения сыграли важную роль в литературе XIX века и до настоящего времени сохраняют как литературную, так и историческую значимость.

П.И. Мельников являлся представителем этнографической школы, что, несомненно, сказывалось на языковой личности писателя. Талантливое использование всех богатств родного языка, а также творческое обогащение и расширение его за счет использования элементов народной речи, создание ярких и выразительных образов, имеющих, как правило, фольклорную основу, - все это характерно для творческой манеры писателя.

К сожалению, произведениям П.И. Мельникова не уделяется должного внимания ни в школьных, ни в вузовских курсах литератур. Их особенности в области языка недостаточно определены и изучены, хотя эта проблема не раз привлекала внимание исследователей. Работы А. Зморовича, П. Усова, А. Скабичевского, С. Венгерова, А. Богдановича, А. Измайлова, Л. Аннинского и других литературоведов способствовали более глубокому изучению языковой личности писателя.

Целью данной работы является характеристика языковых особенностей диалогии П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах».

Актуальность ВКР определяется стремлением современного общества к возрождению русской национальной культуры, что невозможно без тщательного изучения творчества таких писателей, как П.И. Мельников. Не случайно его диалогия «В лесах» и «На горах» – в золотом фонде русской национальной культуры.

В качестве источников работы использовались: текст диалогии, биографические очерки писателя, фрагменты переписки автора, литературоведческие работы.

Основным методом работы является описательно-аналитический, предполагающий наблюдение над языковыми факторами их описание.

Структура работы: введение, две главы («Диалогия П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах» - в золотом фонде русской национальной культуры», «Языковые особенности диалогии П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах»»), заключение и приложение.

Материал предназначен для филологов, лингвистов, социологов, а также для тех, кто интересуется проблемами формирования и развития русского языка.

При написании выпускной квалификационной работы мы опирались на научно-критическую литературу. Они наряду с трудами Президента Республики Узбекистан И. А. Каримова составили *методологическую основу* квалификационного сочинения.

Президент Республики Узбекистан И. А. Каримов пишет следующее: «Человек, который призван учить, воспитывать других, прежде всего сам должен быть всесторонне развитым человеком. Требования времени таковы, что профессорам и учителям надо, не ограничиваясь обретенными ими знаниями, тщательно и настойчиво изучать опыт других государств, постичь его суть и затем уже давать уроки своим студентам. Для выполнения этой задачи нужно хорошо овладеть иностранными языками».¹

Материалы данной выпускной квалификационной работы, безусловно, пригодятся в нашей будущей педагогической деятельности, что является свидетельством *практической значимости работы*. Материалы работы могут представлять интерес для всех учителей русского языка. Они могут быть использованы на занятиях языковедческого кружка, а также при проведении мероприятий.

¹ Каримов И. А. Высококвалифицированные специалисты – стимул прогресса. Ташкент, Узбекистан, 1995, с.23.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Диалогия П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах» - в золотом фонде русской национальной культуры

§ 1. Очерк жизни и творчества

Павел Иванович Мельников родился 25 октября 1818 года (старого стиля) в Нижнем Новгороде в семье офицера местного гарнизона Ивана Ивановича Мельникова (1788-1837). Отец писателя принадлежал к старинному, но обедневшему дворянскому роду. Род Мельникова возник, по преданию, на Дону; Мельников гордился «чисто русской кровью» и знал предков «до времен запорожской вольницы» [Шешунова, 1993, с. 578].

Детские годы провел в «лесном городке» Семенове, окруженном старообрядческими скитами, и «с ранних лет напитался впечатлениями той природы и того быта, которые впоследствии изобразил». По мнению сына-биографа, Мельников рос в атмосфере «доверчивого патриотизма» [Мещеряков, 1977, с. 4]. Однако сам Мельников находил свое воспитание «чисто французским»: «мой гувернер ... давал мне такие уроки, что это ужас. Когда я был 14 лет, я с жаром читал Вольтера, его *sermon de cinquantes* знал наизусть, песни Беранже были у меня в памяти; презрение ко всему русскому считал я обязанностью» [Мещеряков, 1977, с. 5].

В 1829 году Мельников был определен в нижегородскую мужскую гимназию. Он учился в одну из самых мрачных эпох в жизни русского общества. После восстания декабристов правящие круги России всеми средствами стремились подавить подлинное просвещение, которое коноводы реакции считали источником всякой крамолы. С неумной жестокостью правительство Николая I преследовало все, что заключало в себе хотя бы малейшие признаки живой мысли. В гимназическом преподавании насаждался схоластический шаблон и бессмысленная, отупляющая зубрежка; розга и карцер были главными средствами «воспитательного» воздействия. Нижегородская гимназия в этом смысле не составляла исключения. Учителя были «люты», редко обходились без розог и площадных ругательств» [Еремин, 1976, с. 7].

Для Мельникова увлечение театром имело еще и особое значение: тут впервые обнаружилась его художественная одаренность. В драматической труппе он был не только актером, но и автором.

В 1834 году Мельников поступил на словесный факультет Казанского университета. Мельников был студентом в ту пору, когда над университетами тяготел строжайший жандармский надзор, когда самые дикие расправы над студентами, заподозренными в склонности к вольнодумству, были будничным явлением. Казанский

университет в то время переживал своеобразную полосу своей истории. Ректором тогда был великий математик Н. И. Лобачевский. Не жалея сил, стремился он укрепить научный авторитет университета.

Своим лучшим произведением Мельников долго считал повесть «Старые годы» («Русский Вестник», 1857, № 7). В основе повести — восторженный рассказ старого слуги о буйствах и злодействах барина-самодура XVIII века. В «Старых годах» Мельников высказал, в сущности, все, что он думал о русском дворянстве. В других его произведениях о дворянской жизни только развивались и в чем-то дополнялись идеи, впервые высказанные в этой повести.

Не оставлял Мельников и своих шпудий по истории раскола, руководствуясь прежде всего необходимостью обобщать и «сообщать о нем факты и факты» («Исторический вестник», 1884, № II, с. 340). Он создает: «Письма о расколе» («Северная пчела», 1862, 5, 8, 10, 11, 15, 16 января; благодарственный отзыв епископа Нектария («Исторический вестник», 1884, № II, с. 340), «Старообрядческие архиереи» («Русский вестник», 1863, № 4—6), «Исторические очерки поповщины», («Русский вестник», 1864, № 5; 1866, № 5, 9; 1867, № 2). Попутно он занялся исследованием нетрадиционных вероучений, в частности хлыстовского. По этому поводу написаны: «Тайные секты» («Русский вестник», 1868, № 5), «Белые голуби» («Русский вестник», 1869, № 3, 5). Все эти научные материалы послужили затем писателю в работе над диалогией «В лесах» и «На горах».

В 1866 году Мельников вышел в отставку, переселился в Москву, где в 1868 поселился в доме Даля. Часто встречался с Писемским, который консультировался с ним по поводу романа «Масоны», общался с В. И. Далем, В. Аверкиевым, задумавшим в то время пьесу «Свадьба уходом» по мотивам «В лесах» Мельникова (замысел не осуществился). В 1867 Павел Иванович редактировал отдел внутренних дел в «Московских ведомостях» — вновь, как и в «Северной почте», неудачно: «он не был способен... к газетному труду» («Исторический вестник», 1884, № 12). Потеряв эту должность Мельников, вынужден был кормить семью литературным трудом и в 1868 начал по материалам «Зауольцев» повесть «За Волгой» («Русский вестник», № 6, 7, 10, 12), которую переделал в роман «В лесах» («Русский вестник», 1871—75, отдельное издание — М., 1875; посвященное Александру III). С этого времени писатель печатался только в «Русском вестнике», хотя его переманивали в другие журналы.

Роман имел у читателей большой успех.

Дилогия «В лесах» и «На горах» — итог и вершина литературной деятельности Мельникова. Объектом художественного изображения в романах выступает семейно-бытовой уклад родных мест Мельникова; столь полное отражение быта, нравов, экономического состояния, истории и этнографии края позволило критике назвать дилогию эпопеей («Московские ведомости», 1883, 19 февраля; «Русский вестник», 1874, № 1, с. 355). Автор рисует ряд микроукладов (быт патриархального купца, промышленника-«европейца», крестьянина, священника, рабочей артели, хлыстовской секты, женского скита, мужского монастыря и т. д.), давая каждому подробное, иногда многостраничное описание. Контрапункт дилогии — нетронутая старина скитов в соседстве с динамическим становлением отечественной буржуазии. Нравственные проблемы предпринимательства и семейных отношений, религиозное и культурное состояние нижегородского края обрисованы в романах с эпическим спокойствием и научной дотошностью. «Пишет здесь Мельников и темноту раскольничью, и лицемерие, и легкие нравы скитниц, и всякого рода эксплуатацию слабых сильными» («Московские ведомости», 1899, 21 августа), фиксируя при этом внимание на живописной красочности быта. Наряду с привычкой к хищничеству и деспотизму автор усматривает в старообрядческом Заволжье религиозно-эстетический идеал, русского народа, его непреходящее достояние.

Построение романов лишено композиционного единства: каждый из них объединяет группу сюжетов, связанных не только общими героями и сюжетными линиями, но прежде всего — образом рассказчика. Повествование ведется от лица наивного сказителя Андрея Печерского, автор корректирует повествователя постраничными примечаниями. Используемый в дилогии богатый фольклорный материал — лирические и исторические песни, легенды и сказки, предания, былички, пословицы и поговорки, величания и плачи — исключительно функционален: с его помощью автор передает внутреннее состояние персонажей (что стимулирует развитие сюжета), верность народа национальным традициям и неприятие нововведений.

Демократический читатель 70-х годов сразу понял и принял его роман. А охранители устоев самодержавно-монархического строя хоть и поздно, но в конце концов догадались, какова подлинная тенденция этого произведения.

Дилогия «В лесах» и «На горах» была последним произведением П. И. Мельникова. Будучи уже неизлечимо болен, в 1881 году Мельников возвратился на постоянное жительство в родной Нижний Новгород; там он и умер — 1 февраля (старого стиля) 1883 года.

§ 2. История создания дилогии

История романа начинается с того момента, как П. И. Мельников начинает изучать сущность раскольников. О раскольниках в XIX веке говорили и писали в основном в министерстве внутренних дел да в святейшем синоде. Историки и писатели не уделяли им много внимания.

Первым глубокое и всестороннее освещение темы раскола в литературе дал П. И. Мельников. «В лесах» не просто повествование о жизни скитов и связанного с ними купечества. Действие романа протекает в особой атмосфере, которая ведома была очень немногим, ибо все дела в скитах вершились «келейно», втайне от чужого глаза, хотя идеология и влияние старообрядческих общин распространялась от западных границ России до восточных.

С течением времени раскольниковское движение утрачивает свой политический смысл и продолжает существовать в силу инерции.

Он начинает художественно осмысливать то, что доселе изучал как историк. Замысел романа из жизни старообрядцев вызревал исподволь.

По мере печатания романа писатель продолжал над ним неустанно работать. Иногда он так исправлял присланные из типографии гранки, что это, в сущности, был уже новый текст.

Наконец вышли четыре отдельные книги романа, на титульном листе которого стояло: «В лесах. Рассказано Андреем Печерским».

Другой роман Мельникова «На горах», он окончательно отделявал уже в болезненном состоянии, когда, по свидетельству биографа Усова, он уже очень постарел, „лишился своей живости, блеска своей речи и последние главы не мог сам писать, а диктовал своей жене [Еремин, 1977, с. 17].

Мельников начал писать «В лесах», переполненный богатейшим запасом впечатлений. Он хотел рассказать о столь многом, что в рамках одного, хотя и весьма объемистого, романа это оказалось невозможно. Понадобилось еще больше тысячи печатных страниц, чтобы довести до конца повествование о судьбах уже известных читателю героев и связанных с ними новых персонажей. Сам автор указывал на теснейшее «родство» «В лесах» с романом «На горах». «Некоторые из действующих лиц «В лесах» остаются и «На горах». Переменяется только местность: с левого лугового, лесного берега Волги я перехожу на правый, нагорный, малолесный», — сообщал он в одном из писем [Мещеряков, 1977, с. 10].

«В лесах» и «На горах» давно стали одним из тех фундаментальных для русского человека сочинений, без которых не может быть полного литературного образования. Страницы из него давно вошли в хрестоматии. Еще при жизни Мельникова министром народного просвещения было предложено издать «В лесах» в виде народной хрестоматии, с устранением мест, каких не хотелось бы давать в руки крестьянским детям. Только случайные обстоятельства помешали осуществлению этого намерения. Таково официальное засвидетельствование серьезности и ценности труда Мельникова, столь редко выпадающее, на долю русского писателя не только при жизни, но даже и после смерти.

§ 3. Основные герои романов «В лесах» и «На горах»

П. И. Мельникова

Сюжетной основой эпопеи Мельникова-Печерского стали, главным образом, истории двух семейств: Патапа Максимыча Чапурина (составляющая роман «В лесах» и заканчивающаяся во второй части) и Марко Данилыча Смолокурова (история жизни его семьи описана в романе «На горах», но впервые читатель знакомится с ним и с его дочерью еще в первой части). В неспешное течение этих историй вплетаются судьбы других героев, почти каждый из которых вводится в роман в контексте своей семейной истории, ее взлетов и падений, радостных и тяжелых времен. Так, в эпопее (кроме Чапуриных и Смолокуровых) прослеживаются семейные судьбы Заплатиных, Колышкиных, Лохматых, Залетовых, Дорониных, Масляниковых, Меркуловых и другие.

Автор вводит читателя и в богатый дом Потапа Максимыча, старовер-тысячника, купца-промышленника, знакомит со всеми его интересами и расчетами, ведет его и в женскую старообрядческую обитель, в общество «матерей», «черничек», и «беличек», «стариц и старцев», и на тайную службу в раскольничьей молельне, и на исступленные «фадения» (в романе «На горах», где ярко изображены секты хлыстов), и на религиозные беседы и споры начетчиков, дает ему возможность присутствовать и на девичьих супрядках и вечеринках, и на свадьбе уходом, и на народных празднествах от крещенского сочельника до окончания лета, побывать и на волжской пристани, на ярмарке, и в мастерской кустара, и в зимнице лесовщиков, в труппах дремучих ветлужских лесов, и в скитах старцев, промышляющих «золотым делом», то есть подделкой ассигнаций.

Все эти сцены и типы характеризуют собою два особых мира заволжских лесов, хотя и неразрывно связанных между собою: с одной стороны, мир торго-

промышленный, деловой, капиталистический, с другой — мир заволжских скитов, молелен, мир религиозно бытовой.

Во главе первых стоит, бесспорно, крупная фигура капиталиста-торговца Патапа Максимыча Чапурина. В критике считается прочно установленным факт, что писатель рисовал Чапурина с натуры, и оригиналом был для него миллионер П. Е. Бугров, покровитель заволжского раскола.

В романе «На горах» даны картины «деятельности» купцов, которые пользуются уже новейшими средствами обогащения: составляют дутые акционерные компании, пишут необеспеченные векселя, объявляют мнимые банкротства. Автор возлагает надежды на молодое поколение купцов более образованных и справедливых. Купцы вроде *Никиты Меркулова* или *Дмитрия Веденеева*, великолепно знающие все ухватки новых дельцов, может быть вытеснят Орошиных и облагородят купеческие нравы? По-видимому, такого рода предположения Мельникову-просветителю были не совсем чужды. Но как это осуществится, он не мог себе представить. Потому-то и фигуры этих молодых людей несколько бледны и невыразительны.

Более всего подвержен изменению в повествовании образ *Алексея Лохматого*. Этот парень описан Мельниковым в начале дилогии как богатырь, которому ни в работе, ни в красоте равных нет.

Мужской элемент обителей, помимо заезжих гостей-благотетелей, составляют разные подозрительные старцы, странники, бегуны, скитальщики, «послы» из Москвы, из Вятки, из Бело-Кринидкой епархии. Среди них выделяется своей типичностью сладкоречивый, умильный и падкий до искушений московский «посол» *Василий Борисыч*. Приехал этот купеческий сын из Рогожской с письмом к матушке Манефе и зажил в обители, ухаживая за всеми смазливymi девушками с повторяемым ежеминутно набожным восклицанием: „Ох, искушение!“ Выдумал он учить белиц московскому демественному пению, но оно заменилось у них шутками, смехом да переглядываниями, и не может вырваться Василий Борисыч из обители. Белицы в нем души не чают, тем более что он человек с поэтическими наклонностями и голосистый певец. И с инокинями он умеет поддержать приличную беседу. Он внимательно и подобострастно выслушивает, как поучает его мягкосердная и набожная мать Виринея: «Ко всякому человеку ангел от Бога приставлен, а от сатаны - бес. Ангел на правом плече сидит, а бес — на левом. Так ты и плюй налево, а направо плюнешь — в ангела угодишь» [Мельников, 1993, т.1, с. 538]. Иногда Василий Борисыч не прочь вступить и в богословские споры. Словом, это тип

бездельника, который, будучи полон сил, живет без определенных занятий и, как сыр в масле, катается в обители.

Тип протестующей белицы особенно удался автору в лице *Фленушки*, молодой, красивой послушницы, полной жизни и огня. Бойкая, энергичная, плутоватая, она устраивает любовные свидания, способствует свадьбам белиц уходом, радуясь на чужое счастье; она первая заводчица на всякие шалости и вольности: песню ли мирскую затянуть, или заезжего молодца одурачить. И все сходит с рук этой балованной любимице матери Манефы, которая уже на смертном одре напрасно убеждает свою родную дочь Фленушку принять иночество, обещая поставить ее преемницей своей власти и богатства.

Если романы Мельникова называют энциклопедией народной жизни, то его герои – страницы этой энциклопедии. Все они проходят в повествовании всякого рода испытания: любовь, богатство, слава, ... гибель близких ... Важным является то, насколько эти герои, пережив все перипетии, остаются верными нравственным законам. Тем самым автор подчеркивает, что судьбу человека определяет не наличие власти и не количество денег, ее определяет Бог, который судит по степени соблюдения тех нравственных ценностей, что являются основополагающими в жизни человека. Поэтому в конце романа каждому воздается по делам своим.

ГЛАВА ВТОРАЯ
Языковые особенности дилогии
П.И. Мельникова «В лесах» и «На горах»

§1. Выразительные средства языка

Эпопея П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» написана своеобразным языком, благодаря которому большой по объему текст читается на едином дыхании, свободно и легко. Читатель извлекает из романа массу любопытнейших фактически достоверных знаний. Мы знакомимся с историей и обрядностью раскола, народными обычаями и поверьями, узнаем, какие промыслы были тогда развиты в различных селах, как говорили в Заволжье, чем заполняли досуг...

Нельзя не отметить и мастерство Мельникова-пейзажиста. Картины русской природы и колоритные жанровые сцены переданы Мельниковым в слове так же впечатляюще, как Б. М. Кустодиевым в живописи. В своем романе писатель словно предвосхитил сюжеты и краски таких ярко нарядных полотен художника, как «Ярмарка», «Праздник в деревне», «Сцена у окна», «Купчиха на прогулке» и многих других.

Кустодиевские картины невольно всплывают в памяти, когда читаешь у Мельникова: «Вырезался из-за черной, как бы ошетилившейся лесной окраины золотистый луч солнышка и облил ярким светом, как снег, белое платье красавицы и заиграл переливчатыми цветами на синем кафтане и шелковой алой рубахе Алексея». Вот появляется Настя «в алом тафтяном сарафане, с пышными белоснежными тонкими рукавами и в широком белом переднике, в ярко-зеленом левантиновом платочке» [Мельников, 1993, т. 1, с. 35].

Мало сказать, что язык дилогии Мельникова красочен и эмоционален, он народен. Творчество писателя тесно связано с миром родной природы. Символична картина гибели скитов - пожар в лесу.

«— Огонь идет!..

Вот перерезало дорогу быстро промчавшееся по чапыжнику стадо запыхавшихся лосей... Брызнула из деревьев смола, и со всех сторон полились из них огненные струйки.

Вдруг передняя пара лошадей круто поворотила направо и во весь опор помчалась по прогалинке; извивавшейся середь чапыжника. За передней парой кинулись остальные...

Не прошло трех минут, как лошади из пылающего леса вынесли погибавших в обширное моховое болото...» [Мельников, 1993, т. 2, с. 218].

Напряжение и страх, спасающихся от лесного пожара старообрядцев передаются читателю, сразу попадающему во власть художественного обаяния писателя... Чувствуется запах гари, приносимый ветром, видится небо, будто «пеплом покрыто», «как громадные огненные птицы, стаями понеслись горящие лапы, осыпая дождем искр поезд келейниц». Картина богата романтическими эпитетами: *палящий огнедышащий ветер; стон падающих деревьев; вой спасающихся от гибели волков, отчаянный рев медведей*. Экспрессивность эпитетов придает картине эмоциональную выразительность: *несмолкаемый треск; огненный ураган; запыхавшиеся лоси; пламенный покров; кровавые волны; пылающий лес*; и как контраст — *утомленные крылья птиц*.

Динамичны выражения: *быстрее вихря; за клубился дым; помчались сломя голову; блеснула огненная змейка; брызнула... смола*. Повторяются анафористическое местоимение: вот; наречие: *вдруг*. В этом своеобразие и выразительность языка Печерского.

Символична и другая, художественно выполненная картина эпопеи. Подбирает к своим рукам Алексей Лохматый богатства доверчивой Марьи Гавриловны, добрался он и до ее, бегающих по Волге пароходов. И вот какую мрачную картину дает художник: «Галки расселись по рейнам и по устью дымогарной трубы, а на носу парохода беззаботно уселся белоснежный мартын с красноперым окунем в клюве. Мерно плещется о бока и колеса пустого парохода легкий прибой волжской волны» [Мельников, 1993, т.2, с. 193]. Все удастся беспечному Алексею, сел он на богатства обманутой жены, как «мартын с красным окунем в клюве», и автор добавляет: «Не иначе, что у него тогда на кресте было навязано заколдованное ласточкино гнездо» [Мельников, 1993, т.2, с. 193].

Вся эпопея Печерского, все ее изменения под влиянием разнообразного содержания насыщены фольклором. Тексты романов наполнены играми, гаданиями, обрядами. Автор любит русскую старину, праздники, связанные с ними легенды, предания, поверия. Праздник весны у него - это огромное лирическое отступление — пробуждение Ярилы: «Стукнет Гром Гремучий по небу горячим молотом, хлестнет золотой вожжой - и пойдет по земле веселый Яр гулять... Ходит Яр-Хмель по ночам, и те ночи «хмелевыми» зовутся. Молодежь в те ночи песни играет, хороводы водит, в горелки бегают от вечерней зари до утренней...» [Мельников, 1993, т.1, с. 423].

Текст художника в этом лирическом отступлении насыщен внутренними рифмами, аллитерациями: *гром гремучий огни горят горючие; котлы кипят кипучие*. Часто автор, как в народных произведениях, ставит эпитет после слова, к которому он

относится; также как «Со восточной со сторонушки подымались ветры буйные, расходились тучи черные...» [Мельников, 1993, т.1, с. 423].

Глубокое знание фольклора помогает Печорскому выразительно запечатлеть народный праздник: «Любы были те речи Матери Сырой Земле, жадно пила она живоносные лучи и порождала человека. И когда вышел он из недр земли, ударило его Ярило по голове золотой вожжой, яркой молнией. И от той молнии ум у человека зародился» [Мельников, 1993, т.2, с. 254]. Печерский преклоняется перед человеческим разумом и его созданиями, поэтизирует их.

Художник погружает читателя в созерцание прекрасного, заставляет услышать неуловимый зов природы с ее скрытой внутренней жизнью: «... бывалые люди говорят, что в лесах тогда деревья с места на место переходят и шумом ветвей меж собою беседы ведут... Сорви в ту ночь огненный цвет папоротника, поймешь язык всякого дерева и всякой травы, понятны станут тебе разговоры зверей и речи домашних животных... Тот „цвет-огонь" — дар Ярилы... То — „дарь-огонь!"» [Мельников, 1993, т.2, с. 254].

Печерский проникает в глубины народной фантазии, передает легенды, связанные с природой, объясняет, что «святочные гадания, коляды, хороводы, свадебные песни, плачи воплениц, заговоры, заклинания,— все это «остатки обрядов стародавних», «обломки верований в веселых старорусских богов» [Гибет, 1972, с. 36]. Он не перестает удивляться тому, что видит, наблюдает, и свое удивление передает читателю. «„Вихорево гнездо"... на березе живет,— сказал Пантелей. — Когда вихорь летит да кружит — это ветры небесные меж себя играют... пред лицом Божиим, заигрывают они иной раз и с видимою тварью—с цветами, с травами, с деревьями. Бывает, что, играя с березой, завивают они клубом тонкие верхушки ее... Это и есть „вихорево гнездо"» Для счастья носили его люди на груди [Мельников, 1993, т.1, с. 380].

Печерский умело использует лирические и лирико-эпические, исторические песни, былины, сказания, предания, пословицы, поговорки. Он пишет, сливая литературное слово с народным, и достигает совершенства.

В художественных текстах Печерского часты повторы. Вот мчится Самоквасов, чтобы спасти Фленушку от религиозных пут. «Не слышит он ни городского шума, ни свиста пароходов, не видит широко разостлавшихся зеленых лугов. Одно только видит: *леса, леса, леса* ... Там в их глуши, есть Каменный вражек, там бедная, бедная, бедная Фленушка» [Мельников, 1993, т.1, с. 332]. Или: «А за теми за церквами, и за теми деревнями *леса, леса, леса*. Темным кряжем, далеко они потянулись и с Часовой горы не видать ни конца им, ни краю. *Леса, леса, леса*» [Мельников, 1993, т.1, с. 35].

При описании огневой хохотушки Фленушки автор прибегает к отрицательным сравнениям: «Не сдержать табуна диких коней, когда мчится он по широкой степи, не сдержать в чистом поле буйного ветра, не сдержать и ярого потока речей, что ливнем полились с дрожащих распаленных уст Фленушки» (В лесах); «Не стоя белых лебедей по синему морю выплывает, не стадо величавых пав по чисту полю выступает: чинно, степенно, пара за парой, идет вереница красавиц» или «не о том думал Алексей, как обрадует отца с матерью, ...не о том мыслил, что завтра придется ему прощаться с родительским домом. Настя мерещилась» [Мельников, 1993, т.1].

Используя прием антитезы, художник удачно передает и душевное состояние Дуни Смолокуровой, попавшей в сети хлыстов, ее смятение, тревогу: «Бешеная скачка, изуверское кружение, прыжки, пляски, топот ногами, дикие вопли и завывания мужчин, исступленный визг женщин, неистовый рев дьякона, бессмысленные крики юрода казались ей необычными, странными и возбуждали сомнения в святости виденного и слышанного» И вспомнилось ей красивое катание на косной, чистая песня: «Я принес тебе подарок, подарочек дорогой, с руки перстень золотой...». Молится Дуня, а в ушах звенит: «На белу грудь цепочку, на шеюшку жемчужок, ты гори, гори, цепочка, разгорайся жемчужок... [Мельников, 1993, т.2, с. 245].

Сравнения, противопоставления — любимые художественные средства Печерского, и все их он берет из мира природы: «Как клонится на землю подкошенный беспощадной косой пышный цветок, так, бледная, ровно полотно, недвижная, безгласная, склонилась Настя к ногам обезумевшей матери...» или «Страшное слово, как небесная гроза, сразило бедную мать» [Мельников, 1993, т. 2, с. 421].

Мельников умело подбирает средства выразительности и для трагической ситуации, и для описания праздника, и при составлении портретной характеристики. Сотканые, при помощи красочных сравнений, метафор, эпитетов, противопоставлений, повторов, взятых из мира природы, образы поражают своей яркостью и индивидуальностью. Таков и образ прелестной Наташи Дорониной: «Взглянул (Веденев) и не смог отвести очей от ее красоты. Много красавиц видал до того, но ни в одной, казалось ему теперь, и тени не было той прелести, что пышно сияла в лучезарных очах и во всем милом образе девушки... Не видел он величавого нагорного берега, не любовался яркими цветными переливами вечернего неба, не глядел на дивную игру солнечных лучей на желтоватом лоне широкой, многоводной реки... И величие неба, и прелесть водной равнины, и всю земную красоту затмила в его глазах краса девичья!.. Облокотясь о борт и чуть-чуть склонясь стройным станом, Наташа до локтя обнажила белоснежную руку,

опустила ее в воду и с детской простотой, улыбаясь, любовалась на струйки, что игриво змеились вокруг ее бледно-розовой ладони. Слегка со скамьи приподнявшись, Веденеев хочет взглянуть, что там за бортом она затевает... Наташа заметила его движение и с светлой улыбкой так на него посмотрела, что ему показалось, будто небо раскрылось и стали видимы красоты горного рая ... Хочет что-то сказать ей, вымолвить слова не может...» [Мельников, 1993, т. 1, с. 176]. Вся эта картина как кружево выплетена умелой рукой автора.

Так же охотно использует Мельников и вопросительную форму: «Где твои буйные крики, где твои бесстыдные песни, пьяный задор и наглая ругань?.. Тише воды, ниже травы стал Никифор...» или «Куда делись горячие вспышки кипучего нрава, куда делась величаяя строгость? Косой подкосило его горе...» [Мельников, 1993, т.1, с. 421].

Слог Печерского поэтичен, слова красочны. У него свой народно-речевой строй, свой язык сердца. Он тщательно выбирает и бережет каждое слово, взятое им. Слова у него гибки, и заменить их нельзя, не нарушив этой своеобразной певучести и оригинальной первозданности.

Связь народной поэтики с литературной формой — это новое начало в поэтике наших классиков. Печерский бросил в классический чисто литературный язык золотистый сноп ярких народных слов и выражений. Речь Печерского своей первозданностью, свежестью поражает читателя. Автор поставил уже точку, а в ушах еще звучат слова с их ритмом и народной интонацией.

Печерский владел тончайшей художественной материей: поэтикой перечня.

Иногда перечисления в тексте составляют чуть ли не две страницы подряд. Эти перечни - те же колдовские "вадьи", "окна" и "чарусы" его прозы.

Огромна работа Печерского в области русского языка, большое количество народных слов, выражений и оборотов местных говоров, идиом, этнографических, географических названий введено им в художественную литературу. Печерский помогал В. И. Далю в составлении «Толкового словаря живого великорусского языка», в собирании слов и выражений.

Н. С. Лесков в изучении богатства русского языка считал себя учеником П. И. Мельникова-Печерского. В безграничной любви Печерского к слову, в пафосе его художественных произведений, сказалась его любовь к русскому человеку, к родине.

§ 2. Фольклорные мотивы в диалогии

2.1. Истоки фольклорности в творчестве Мельникова

В последние два десятилетия проблемы фольклоризма творчества Мельникова и изучения его фольклорно-этнографических интересов поставлены с учетом сложности и многосторонности их аспектов, на основе более тщательного изучения биографических и архивных данных. Появились обстоятельные, отличающиеся объективностью анализа очерки о творческой деятельности Мельникова В. Ф. Соколовой, Г. С. Виноградова, Л. М. Лотман,

З. И. Власовой и другие.

В истории русской литературы нет другого произведения, где бы сам фольклор со всей возможной полнотой сопутствующих факторов был объектом художественного внимания. Может ли эрудиция автора подобных произведений быть объяснена только использованием фольклорных публикаций? Как формировались и выражались интересы писателя к устной поэзии народа?

Известно, что Мельников рос в Семёнове, уездном городе нижегородского Заволжья, богатого устойчивыми народнопоэтическими традициями. Как большинство русских писателей, он впитывал устную поэзию с детства, и, тем не менее, на него сильное впечатление произвело знакомство с разинским фольклором, когда он ехал из Нижнего в Казань поступать в университет и три дня слушал удалые песни лодочников и в их числе знаменитую «разинскую». Впоследствии он включит ее и в роман «В лесах», процитирует в газетных статьях, будет хранить в своем архиве. Общественные и литературные настроения 30-х годов с их интересом к вопросам народности, углубленные занятия историей и увлечение творчеством А. С. Пушкина и Н. В. Гоголя оказали решающее влияние на дальнейшее формирование его художественного сознания, а впоследствии статьи Белинского и знакомство через М. П. Погодина с избирательской деятельностью П. В. Киреевского определили интерес к народной поэзии и быту.

В 70-х годах, работая над созданием диалогии «В лесах» и «На горах», писатель охватывает громадный и разнообразный фольклорно-этнографический материал. Показательно, что он при этом ощущает недостаточность своих знаний: «Поздно начал, а раньше начинать было нельзя, надобно было прежде поучиться. И вот теперь, после тридцатилетнего изучения быта и верований русского народа, приближаясь к склону дней, одно только могу сказать: „Мало, очень мало знаю"» [Мещеряков, 1977, с.12].

В устном творчестве и языке народа писатель видел отражение исторической жизни и судеб всего населения России. Он горячо призывал к бережному собиранию его:

«В поверьях, преданьях, в сказках, в былинах, в заклинаниях и заговорах, в обрядах, приуроченных к известным дням и праздникам, сохраняются еще те немногие останки старины отдаленной, но исчезают с каждым годом. (...) Надо ловить время, надо собирать дорогие обломки, пока это еще возможно. Не одни предания, не одни поверья на наших глазах исчезают. Русский быт меняется».

Сам Мельников умел отыскивать редкие произведения устного художественного слова. Русская фольклористика обязана ему многими — не всегда им записанными, но им сбереженными — произведениями и публикациями фольклора Нижегородского Поволжья; давно уже вошли в научный оборот многие произведения из его архивного фонда.

Глубокое изучение быта, устной поэзии и языка народа, личные научные достижения в этой области обусловили постоянный интерес писателя к проблематике фольклористической науки и в значительной степени определили метод, характер и специфику его художественного творчества.

Уже в первом своем рассказе «Красильниковы» писатель обнаружил творческую зрелость. Необычайный успех у читателей и одобрительные отзывы в передовых журналах указывали, что это — незаурядное явление в истории литературы. Образ Красильникова возникает из его рассказов и замечаний о самом себе, о своих поступках и из отношения к сыновьям. Богатый и продуманный подбор пословиц, поговорок, фразеологизмов в сочетании с народным просторечием и купеческим жаргоном создает ярко индивидуализированную речь, раскрывая внутреннюю сущность характера купца. При работе над рассказом Мельников пользовался собранием пословиц Даля, тогда еще не опубликованным.

Обращение к различным произведениям устного творчества народа характерно и для других произведений конца 50-х годов. В рассказе «Дедушка Поликарп» встречаются отрывки из народных преданий, элементы народного календаря, поговорки. В основе рассказов «Старые годы» и «Бабушкины рассказы» — нижегородские предания о крепостном праве и нравах XVIII в.; поэтические картины летних хороводов с песнями и суровая мораль раскольничьих пословиц — в рассказе «Гриша». Это произведение предвосхищает одну из основных тем дилогии «В лесах» и «На горах» — тему старообрядчества.

2.2. Фольклорность языка дилогии

Самобытность таланта Мельникова во всем блеске реалистического мастерства выразилась в его романах «В лесах» и «На горах», составивших знаменательный итог его творческой деятельности. Неожиданной, новой и своеобразной была не только тематика

дилогии с ее показом раскольничьего Заволжья, но и идейно-философская концепция его, и художественный метод. Глубокая любовь к национальным формам народной культуры, гордость и восхищение богатством устной поэзии и народнопоэтического языка пронизывают эту необычную в истории русской литературы эпопею. В нее вошли тщательно отобранные произведения фольклора, все те драгоценные самоцветы устнопоэтического народного искусства, которые писатель неустанно искал, собирал и хранил в течение целой жизни.

Невозможно учесть, проанализировать и найти источники всей многоцветной россыпи сокровищ народного творчества, щедро включаемых писателем в ткань художественного повествования. Они способствовали созданию человеческих характеров, определили композиционную особенность всех его частей, оказали влияние на поэтику и язык. Каждый жанр устной народной поэзии в дилогии может служить темой отдельного исследования, что убедительно показано в работе Г. С. Виноградова. В окончательной редакции статья Виноградова о фольклорных источниках романа «В лесах» состоит из 12 глав, в ней нет главы о сказке из первой редакции (1935), всего было бы 13 глав.

Исследователь установил только основные книжные источники, допуская возможность использования архивных рукописных собраний и поставив под сомнение устные. Теперь часть собственных записей Мельникова известна, но исследователям предстоит еще немало открытий, так как богатство фольклорно-этнографического материала кажется неисчерпаемым.

В дилогии существует несколько ракурсов изображения действительности и несколько «уровней сознания». Автор, объясняя замысел эпопеи, сказал: «Моя задача, которую, конечно, вполне я не исполню — изобразить быт великоруссов в разных местностях, при разных развитиях, при разных условиях общественного строя жизни, при разных верованиях и на разных ступенях образования».

Идейно-философский аспект дилогии составляет борьба двух стихий: полная мощи и красоты естественная историческая стихия, простая и здоровая жизнь природы и связанных с нею трудом людей — и институт религии и капитала. Человеческую душу иссушают и опустошают суровые религиозные догмы, с одной стороны, и стяжательство, алчность и страсть к наживе — с другой.

Прологом к отдельным частям романа «В лесах» дана реконструкция сказания про доброго солнечного бога Ярилу, про его любовь к Матери Сырой Земле. Это не фантазия писателя, а «интересный опыт поэтического синтеза важнейших данных о мифе» [Виноградов, 1936, с. 27-28].

Они собраны из различных русских и славянских источников и объяснены известным русским ученым-мифологом А. Н. Афанасьевым. Мельников, используя

передовую для 60-х годов научную концепцию Афанасьева, дополнил ее топонимическими и этнографическими данными существования культа Ярилы в Поволжье, включил описания весенних и летних празднеств (ночь на Ивана Купала, похороны Костромы и др.), придав повествованию историческую достоверность.

Образ Ярилы символизирует в романе стихийно-языческое начало, вступающее в борьбу с византийско-церковным, с мертвыми догмами раскола и религии. Он помогает людям обнаружить простые и естественные чувства, забыть о сковывающих поступки условностях. «Все романтическое так или иначе соприкасается с образом Ярилы. Таким путем Мельников хочет обосновать незыблемость и извечность той жизни, которую он изображает. Страницы, посвященные Яриле, славянскому Дионису, наиболее поэтичны» [Власова, 1982, с. 126]. Позиция автора враждебна религиозному мистицизму и догматике. Он показывает мертвящее влияние религиозных установлений на истории озера Светлояр, когда-то бывшего местом веселых народных празднеств в честь солнечного бога, но с появлением раскола превратившегося в центр паломничества. Вместо нарядных хороводов и веселых песен над озером столетия звучат молитвы, духовные псалмы и религиозные споры.

Другой идейно-философский аспект диалогии — значение подлинных духовных и нравственных ценностей в судьбе нации и народа. Только народ — подлинный хранитель незыблемых моральных ценностей, украшающих жизнь поэтических обычаев и обрядов. Эта мысль высказана писателем в автобиографии, написанной от третьего лица в конце 50-х годов.

Мысль о народе, хранителе нравственных и художественных ценностей, как самое заветное его убеждение проходит через диалогию. Поэтому и произведения устной народной поэзии с такой любовью и полнотой собраны в ней, что в русской литературе нет ей равных по богатству материала и разнообразию методов использования фольклора.

При создании персонажей автор смело пользуется народно- поэтическими средствами изображения. Он создает почти лубочные по яркости и чистоте красок портреты героев. Исследователи отмечали, что образы Насти Чапуриной и Алексея Лохматого - это традиционные фольклорные типы доброго молодца и красной девицы. Настя «кругла да бела, как мытая репка, алый цвет по лицу расстилается; толстые, ровно шелковые, косы лежат ниже пояса...» [Мельников, 1993, т. 1, с. 85].

Алексей Лохматый «красавец был из себя. Роста чуть не в косую сажень, (...) здоровый, белолицый, румянец во всю щеку так и горит, а кудрявые, темнорусые волосы так и выются» [Мельников, 1993, т. 1, с. 31]. Автор и наряжает своих героев в соответствии с народными вкусами: Настя то в голубом, то в алом сарафане с пышными белыми

рукавами; у Алексея Лохматого для праздников хранится синяя суконная сибирка и плисовые штаны [Мельников, 1993, т. 1, с. 138].

В образах Насти, Алексея, Фленушки отразился народный идеал здоровой и яркой человеческой красоты, не случайно исследователи находят множество параллелей к их портретному изображению в народных песнях. Автор и говорит о них в сказочно-песенном стиле, используя сравнения песенного типа и сказовую форму фраз. Ритмический склад речи вызывает аналогию со сказочным стилем, а параллельное синтаксическое построение фразы напоминает стиль народной песни: «Не красна на молодце одежда, сам собою молодец хорош. Идет двором обительским: черницы на молодца поглядывают, молоды белицы с удалого не сводят глаз» [Мельников, 1993, т. 2, с. 106].

Тщательно отобран пословично-фразеологический материал для наиболее выразительной речевой характеристики персонажей. Прямой, открытый и горячий характер Насти Чапуриной обнаруживается в ее народной по стилю и лексике речи: «Не дари меня, только не отнимай воли девичьей (...) Кого полюблю, за того и отдавай, а воли моей не ломай», — говорит она отцу [Мельников, 1993, т. 1, с. 71].

Пословицами характеризуется сложное душевное состояние разочаровавшейся в Алексее героини. Взволнованный внутренний монолог Насти насыщен песенной образностью: «Гадала сокола поймать, поймала серу утицу»; «Где же удаль молодецкая, где сила богатырская?.. Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья...» [Мельников, 1993, т. 2, с. 21].

Обращение к песенным образам характерно для писателя при изображении взволнованности, тревожного состояния души и при обрисовке других женских характеров. Алексей, напротив, осторожен и осмотрителен, но и его речь поэтична: «Мало ли что старики смолоду творят, а детям не велят?» «А скажу словечко по тайности, в одно ухо впусти, в другой выпусти» [Мельников, 1993, т. 1, с. 3, 17, 19].

Фольклорно-поэтическая образность насыщает страницы о болезни и похоронах Насти. Лирическое вступление автора к главе о похоронах дано в стиле похоронного причитания: «Лежит Настя, не шелохнется; приустили резвы ноженьки, притомились белы рученьки...» [Мельников, 1993, т. 1, с. 506]. Характеристика Насти с начала до конца выдержана в песенно-сказовом стиле.

Иначе дан образ Алексея Лохматого. Если в начале дилогии в его речи ощущается поэтический мир народных крестьянских представлений, он говорит языком пословиц и песен, то с переменой его положения меняется и его речь. Захватывающая его постепенно страсть к легкой и быстрой наживе прорывается в мимоходом брошенных

пословицах: «У тестя казны закрома полны, а у зятя ни хижи, ни крыши»; «Чем бы денег ни нажить, а без них нельзя жить» [Мельников, 1993, т. 1, с. 386].

Во второй части дилогии Лохматый — купец первой гильдии, кандидат на пост городского головы, но он очерствел душой и утратил умение ярко и выразительно говорить; стремясь подражать речам городских купцов, он употребляет слова: *фрахт, чиколат, амбрей, скус* и пр. Исследователи отмечали, что речь персонажей у Мельникова зависит от степени их близости к народу. Автор наделяет своих героев умением поэтически мыслить и говорить живым и образным языком в той мере, в какой речь их питается разговорным и поэтическим языком народа.

Показателен в этом отношении образ Фленушки с ее трагической судьбой. В галерее замечательных по достоверности женских характеров дилогии образ ее особо привлекателен и почти целиком создан на фольклорном материале. Незаконнорожденная дочь игуменьи, она воспитана в скиту, но жизнелюбива, умна, находчива и псалмам предпочитает мирские песни. С языка ее так и сыплются пословицы, приговорки: «Одним глазом спи, другим стереги» (Марьюшке); «Такой молодец, что хоть прямо во дворец» (об Алексее). Судьба ее трагична. Она постригается и становится неумолимо строгой игуменьей. Ее образ лишается поэтичности в конце романа, ибо постриг — преступление против естественных законов жизни.

Характер кроткой Марьи Гавриловны строится на песенно-сказочном материале. В основе его — подлинные факты из жизни купцов Заволжья. Взмолнованность ее передана песенными и сказочными образами: «Не огни горят горючие, не котлы кипят кипучие, горит-кипит победное сердце молодой вдовы» (после встречи с Алексеем).

Таков и образ Дуни. В моменты тревоги и тоски звучит в ее душе песня как образ здоровой и ясной жизни, усиливая отвращение к хлыстовским радениям. Стилизованными песенными образами изображает Мельников молодость и красоту: «Не стая белых лебедей по синему морю выплывает, не стадо величавых пав по чисту полю выступает; чинно, степенно, пара за парой идет вереница красавиц» [Мельников, 1993, т. 1, с. 213—214].

Фольклор — главный элемент в создании социально-типических характеров. Он используется и при показе разных типов купцов, вышедших из крестьянства и не утративших социальных корней.

Колоритен образ купца-тысячника Чапурина и наиболее полновесен по насыщенности фольклором. Он любит традиционную обрядность в доме; присловья, поговорки, прибаутки украшают его речь, он то перефразирует их, то цитирует дословно: «Пей-ка, попей-ка, на дне-то копейка; выпьешь на пять алтын — да и свалишься под тын» [Мельников, 1993, т. 2, с. 219]. Он весельчак в компании и любит хорошенько разгуляться:

«Гости пьют да посуду бьют, кому-то не мило, того мы в рыло». Бывает заносчив, деспотичен, по-мужицки груб: «Рылом не вышла учить меня!» — кричит жене. «Гордан», — говорят о нем. Характер Чапурина неординарен: доброта, щедрость, отходчивость уживаются рядом с жадой наживы; но он соблюдает известную порядочность в делах и выгодно отличается от своих собратьев.

Петр Степанович Самоквасов — казанский купец, весельчак и певун. Автор называет его «казанец», а приятеля его Семена — «саратовец». Это сочетание вызывает ассоциацию с популярной в Поволжье народной балладой «Молодец казанец, душа астраханец», сюжет которой своеобразно интерпретирован Мельниковым в судьбе Самоквасова. В балладе молодец посмеялся над девушкой и был наказан ею с изощренной жестокостью. В дилогии «казанец» сам жертва девичьего обмана. Фленушка высмеивает и дурачит его, обещает выйти за него уходом, а когда он снимает в городе квартиру и возвращается за нею в скит, он застаёт похожую на похороны церемонию пострига. Фленушка превратилась в мать Филагрию. Впоследствии Самоквасов женится на Дуне Смолокуровой, становится богат, но уже в роли жениха Дуни он утрачивает прежнюю обаятельность и веселость. Если в первой части дилогии его образ соответствует образу Фленушки обилием инкрустаций из песенных текстов, то в конце дилогии он становится бледнее и скучнее.

В образе Колышкина, в прошлом горного инженера, затем владельца пароходов, фольклорный материал используется меньше; изредка в его речи мелькают пословицы, приговорки; наиболее типичен образ купца Смолокурова, наживающего миллионы безжалостной эксплуатацией рабочих и не гнушающегося никаким обманом и шантажом. Он не прочь надуть и своих собратьев-купцов, прижать промышляющего книжной торговлей Чубалова. Есть в дилогии и традиционный купеческий брат, оказавшийся пленником хивинского хана, в описании его судьбы Мельников использовал устные рассказы про русских пленников Бухары, о которых писал и В. И. Даль в 50-х годах.

В эпосе показаны талантливые хранители и исполнители произведений устной народной поэзии: знаменитая певица и плакальщица Устинья Клещикха, известная по всему Заволжью своими песнями и причитаниями; мастерица рассказывать сказки Дарья Никитишна, знахарка Егориха и другие. Характеризуя их, автор показывает народное отношение к их мастерству: «Золото эта Клещикха была. Свадьбу играют, заведет песню — седые старики впрыскаду пойдут, на похоронах плач заведет — каменный зарыдает» [Мельников, 1993, т. 1, с. 554]. Для полноты представления о мастерстве и талантливости «плачей» Мельников приводит полностью тексты похоронных и поминальных причитаний.

Образ знахарки Егорихи дан в двух оценках. Скитницы связывают с нею всевозможные поверья о колдунах и знахарях. Автором приводится от их лица обстоятельный перечень сведений о нечестивых действиях колдунов (З, 386—389). В деревнях, наоборот, знахарка пользовалась любовью и почетом: она помогала травами и кореньями от болезней. Речь Егорихи уснащена сказочными и песенными формулами: «Куда идешь — пробираешься? Дело пытаешь, аль от дела лытаешь?». [Мельников, 1993, т. 2, с. 170]. В ее наставлении Марье Гавриловне звучат фразы из свадебной величальной песни: «Носи золото — не изнашивай, терпи горюшко — не сказывай». Автор заставляет знахарку читать заговор и разъяснять значение разных трав несколько книжным языком; книжность речи придает некоторую искусственность достоверному по существу образу деревенской знахарки.

Типичен образ стряпухи и сказочницы Дарьи Никитишны. Никитишна росла сиротой. «Житье сиротинке — что гороху при дороге: кто пройдет, тот и порвет», — замечает автор и тут же приводит пословицу: в сиротстве жить — только слезы лить [Мельников, 1993, т. 1, с. 87]. Скитницы — почти все в прошлом крестьянки, речь их то уснащена церковно-молитвенными выражениями, то красочна по-крестьянски, но жизнь в скитах сделала их алчными, неискренними, празднолюбопытными. Мать Таисея ласково угощает Самоквасова после похмелья, уговаривает его жениться, «со сладкой улыбкой глядя на туго набитый бумажник Петра Степановича. Так блудливый, балованный кот смотрит на лакомый запретный кус, с мягким мурлыканьем ходя тихонько вокруг и щуря чуть видные глазки» [Мельников, 1993, т. 2, с. 425]. Речь ее уснащают поговорки: «Кто помоложе, тот рублем подороже; мотоват да неженат, себе же в наклад». Иной смысл получают произведения фольклора в устах сирот Марьи-головщицы, Устеньки-московки, бедной вдовы Ольги Панфиловны. Пословицы о сиротстве, сиротские причитания выдают их внутреннюю ожесточенность, иногда ненависть к богатым купеческим дочерям.

Социальная значимость фольклора учитывается при показе разных групп населения. Купцы считают естественным в их деле обман, умение воспользоваться чужой ошибкой, одурачить; таковы их пословицы: «Купец — тот же стрелец, чужой оплошки должен ждать» (Масляников); «Умей воровать, умей и концы хоронить» (Веденеев); «Всякий Демид в мой кошель угодит» (Булыня); «Сват сватом, брат братом, а денежки не родня» (Смолокуров) и другие.

У крестьян, лесорубов и рабочих, находящихся в кабале у купцов, другая мораль и другие пословицы. О купцах, тысячниках и богачах они говорят с ненавистью: «Богатых и смерть не сразу берет»; «На фабриках-то крестьянскими мозолями один хозяин сыт».

Крестьяне имеют свой социально-исторический опыт. Их спасает только труд от зари до зари, зимой в лесу, летом в поле; «На первую страду выльешь поту жбан, на вторую — полный чан». Зимой в лесу, когда дни коротки, прежде всего ценится время, и лесорубы говорят: «На заре не работать, рубль из мощны потерять»; «Долго спать — добра не видать», «Долго спать — долгу наспать».

У деревенской бедноты свои поговорки, проникнутые грустным юмором: «Наготы да босоты изувешены шесты, холоду да голоду амбары полны»; «Две полы, обе голы да и те не свои»; «Хоть мерзни с холоду, хоть помирай с голоду». В поговорках отражена горечь сиротства, обрекающего человека на жизнь у чужих людей: «Чужой обед хоть и сладок да не спор. Чужие хлеба живут приедливы». У сироты «приданого голик да кузов земли». Народ высмеивает жадность попов и монахов: «Не учи козу — сама стянет с возу; рука пречиста все причистит»; «Молодец поп-хлышовец: за пару лаптей на родной матери обвенчает»; иронически отзывается о старообрядческих толках и сектах: «Что ни мужик — то вера, что ни баба — то устав». Отрицательно относятся крестьяне к чиновникам, к уездным и губернским судам: «Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит. А закон у него — что дышло: куда захочет, туда и поворотит».

Фольклор отдельных социальных групп населения, показанных в романе, имеет свою историческую и местную приуроченность. Лесорубы и крестьяне Заволжья знают живущие в народе предания и песни о Степане Разине, связывая с памятью о нем местные поверья о кладях. В героях разинских песен они видят живых исторических лиц; объясняют содержание песен, привлекая местные легенды об отдельных участниках разинских походов по Волге (Соломонида от старого Макарья).

У лесорубов есть свои поверья о болотнянике, владыке топкой чарусы, и о болотнице — родной сестре русалки. Раскрывая мировоззрение крестьян-лесорубов через произведения фольклора, Мельников показывает различное их восприятие у лесорубов и купца Чапурина. Артемий, возражая Чапурину, с любовью и восхищением говорит о разницах: «По-вашему — разбойники, по-нашему — есаулы-молодцы да вольные казаки». С гордостью отзывается он о Разине: «Вот каков был удалой атаман Стенька Разин, по прозванью Тимофеевич!» [Мельников, 1993, т. 1, с. 224].

Различна и мораль купцов и крестьян. Артель лесорубов характеризует строгая честность: они отказываются взять лишнюю копейку, если не заработали ее. Купцы ловят момент, чтобы обмануть друг друга на десятки тысяч рублей, и обсчитывают рабочих, не гнушаясь их трудовой копеей. В произведениях фольклора отражен исторически сложившийся антагонизм интересов, и с помощью фольклора писатель убедительно показал противоположность мировоззрения крестьянства, рабочего люда и купечества.

Бытовой уклад крестьянства определяется трудовыми циклами года и традицией; быт купцов — близостью к крестьянскому укладу и обычаям (соблюдение традиционной обрядности во время свадеб, именин, крестин, похорон), кроме того — староверческими заветами и установлениями (роднятся лишь с единоверцами, дочерей обучают грамоте и рукоделию в скитах).

Фольклорно-этнографический материал сохраняет в диалогии и социальную остроту, и местный колорит, и историческую приуроченность.

Композиционные особенности диалогии определяет наличие специальных вводных историко-этнографических глав: первая и восьмая второй части, первая и седьмая четвертой — романа «В лесах»; первая и одиннадцатая первой части, девятнадцатая второй — романа «На горах». Повествование в них — органический сплав из народных обрядов, обычаев, песен, поверий, примет. Фольклорно-этнографические разделы имеют для писателя столь же существенное значение, как и главы, раскрывающие движение сюжета, историю и характеры героев.

Стилизованные сказания про солнечного Ярилу, про любовь его к Матери сырой земле, про златорогого оленя-солнце, созданные из мифологических, сказочных и песенных элементов, не только утверждают мысль писателя о вечности жизни, но и придают особый, самобытно-оригинальный характер всей композиции романа «В лесах». Мельников показал, что талантливая и художественная стилизация представляет один из путей к созданию подлинно новаторского произведения.

Роман «В лесах» начинается характеристикой Верхового Заволжья, его истории; в повествование вплетается предание о граде Китеже, изложенное в виде стилизованного народного сказа; обстоятельно характеризуются уезды лесного Заволжья, распространенные в них промыслы и ремесла, особенности быта.

Роман «На горах» также начат историей правобережья Волги «от устья Оки до Саратова». Включены топонимические предания о происхождении названий рек; полностью приводится песенное предание о Дятловых горах и покорении мордвы русскому царю. Глава завершается поэтическим очерком о медвежатниках Сергачского уезда, включающим исторические анекдоты. В начальных главах обоих романов имеется и существенное различие: если первая глава романа «В лесах» заканчивалась характеристикой быта заволжских крестьян с их идиллическим благополучием, то в заключении первой главы романа «На горах» писатель указывает на резкое социальное неравенство и расслоение в среде нагорного крестьянства: «Теперь на Горах немало крестьян, что сотнями десятин владеют. Зато тут же рядом и беднота непокрытая. У иного двор крыт светом, обнесен ветром, платья — что на себе, а хлеба — что в себе, голь да перетыка — и голо, и

босо и без пояса» [Мельников, 1993, т. 1, с. 13]. Фольклор получает в повествовании большую социальную значимость, а картины народного быта — черты подлинно социальной этнографии.

На композиции романа «В лесах» в большей степени отразилось увлечение П. И. Мельникова исторической этнографией, историей и эстетикой фольклора. В романе больше разделов с фольклорно-этнографическим содержанием, отразившим все основные циклы народного земледельческого календаря и соответствующих им произведений календарной обрядовой поэзии. Являясь выдающимся знатоком народного быта и языка, Мельников тем не менее не ставил своей задачей отразить в диалогии этнографически точно только быт Поволжья с характерными обрядами и обычаями. Он понимал свою задачу шире, поэтому в его романах органически соединены и живые произведения устной поэзии, и почерпнутые из книжных источников. В письме к П. В. Шейну от 8 сентября 1875 года Мельников признавал:

«В продолжение четверти столетия я много ездил по России, много записал песен, сказаний, поверий и прочее тому подобное, но я бы ступить не мог, если бы не было трудов покойного Даля и Киреевского, не было Ваших трудов, напечатанных у Бодянского, трудов Л. Майкова, Максимова и Якушкина (...) Пчелы вы, а не муравьи; ваше дело — мед собирать, наше дело мед варить» [Власова, 1982, 126].

Главным художественным принципом писателя, определяющим характер использования фольклорно-этнографического материала, был принцип органического слияния старого и нового, живого и забывающегося фольклора. Привлекаются и книжные источники, и записи из северных областей, и хорошо знакомый с юношеских лет нижегородский, поволжский фольклор. Некоторые тексты сохраняют следы метода их записи. Песня «Я у батюшки дочка была» по тексту представляет точную запись с голоса, то есть сделанную во время пения. В ней легко устанавливаются тип строфы и цепное построение:

*Приневоливал меня родной батюшка,
Приговаривала матушка
Замуж девушке идти, да, идти.
Да и замуж девушке идти...
Во все грехи тяжкие,
Грехи тяжки поступить.*

Иначе дана плясовая песня «Куревушка». Эта песня много раз записана на севере и хорошо известна со второй половины XIX века. В песне, как правило, четкое цепное построение, парная строфа с повторением полустиха. В первом случае можно

предположить, что песня записана самим автором. Во втором, по-видимому, имелся список текста. Повторения не показаны, а последний стих «Накутят, намутят, С тобой, милый, разлучат» искажен перепиской: «Ни кутят, ни мутят». Но это единичный случай. В целом же материал показывает, что фольклорные элементы вносились в ткань произведения не механически, а после тщательного отбора.

Авторский текст и фрагмент устнопоэтического произведения должны, по мысли Мельникова, составлять единое художественное целое. Писатель тщательно редактировал и собственное повествование, и вносил изменения в текст традиционный, но делал это мастерски, не изменяя ни смысла, ни формы произведения, так что возникал новый художественный вариант двустишия, строфы, строки, как возникает нередко такой вариант у талантливых исполнителей.

Так, песня «Летал голубь» [Мельников, 1993, т. 2, с. 113] взята из рукописного сборника П. Пискарева. Мельников сначала полностью переписал текст песни, потом зачеркнул только одну строку, заменив слова «шалевый платочек» на «шелковое платье» (речь идет о подарке). Возможно, это более соответствовало нравам деревенской молодежи того времени.

Интересно сравнить бурлацкую песню [Мельников, 1993, т. 1, с. 101] с отрывком из нее в рукописи романа. В романе песня дана не до конца, в ней 11 сдвоенных строф (то есть всего 22) с припевом. В рукописи текст без припева, строфы не сдвоены (их 12), две из них не вошли в текст романа, а некоторые имеют разночтения:

Р о м а н

*А вот село Козино —
Много девок свезено.*

*А вот Нижний Городок —
Ходи, гуляй в погребок.*

*Вот село Великий Враг —
В каждом доме там кабак.*

*А за ним село Безводно —
Живут девушки зазорно.*

*Рядом тут село Работки
Покупай, хозяин, водки.*

Р у к о п и с ь

*А в Большое Козино
Сто воров навезено.*

*.
Нас прижал под ноготок*

*.
В каждом домике кабак.*

*Вот село стоит Безводно —
Пей-гуляй беспереводно.
(Девок очень довольно).*

*А пониже-то Работки —
Подноси всем девкам водки.*

Не вошли в роман строфы:

А в Исаде под горой

Водят девок под полой.

Как у старого Макарья

По три денежки Наталья.

Эти различия свидетельствуют, видимо, не столько о редактировании текста, сколько о знании писателем нескольких вариантов песни. Мельников как отличный знаток фольклора позволял себе выбор варианта и перенос художественных деталей из одного

варианта в другой. Эти изменения, не нарушая художественности впечатления, оставались в рамках естественного для произведений фольклора варьирования.

Бурлацкая песня была чрезвычайно популярна в Поволжье, так что многие ее куплеты превратились в пословицы. (Больше десятка таких пословиц — песенных строф привел В. И. Даль в «Пословицах русского народа» — М., 1957, с. 336—337). В романе песню поют рабочие рыболовных промыслов; эпизод заканчивается выразительным окриком дяди Архипа, втихомолку ковырявшего лапти «из лык, украденных на барже соседнего каравана»: «Город здесь, ярманка! Съедутся с берега архангелы да линьками горла-то заткнут!» [Мельников, 1993, т. 1, с. 101].

Цельность впечатления от художественных инкрустаций фольклорной классики усиливается выразительной лирической оправой, созданной для них самим писателем. Заканчивается описание петровских хороводов с похоронами Костромы, и автор замечает: «...в последний раз уныло кукует рябая кукушка. Пришла лета макушка, вещунье больше не куковать... Сошла весна со неба, красно лето на небо вступает, хочет жарами землю облить (...) дошла до людей страда-сухота, не разгибать людям спины вплоть до поздней глубокой осени...» [Мельников, 1993, т. 2, с. 501].

Лирические повествования такого типа также представляют отражения народной поэзии — с разной гаммой поэтических настроений, различных по яркости образов. Описания гуляний на Красную горку заканчиваются уже авторским аккордом, сливающимся с отголосками народного празднества: «Стихло на Ярилином поле... Разве какой-нибудь бесталанный, отверженный лебедушками горюн, серенький гусёк, до солнечного восхода сидит одинокий и, наигрывая на балалайке, заливается ухарской песней, сквозь которую слышны и горе, и слезы, и сердечная боль» [Мельников, 1993, т. 2, с. 63].

На эту особенность писательской манеры Мельникова обратил внимание Виноградов: «Это прием мастера-сказителя, — пишет он, — в одних случаях постепенно опустить внимающего слушателя или читателя в иную обстановку, чтобы не был резким переход к продолжению повествования, в других — чтобы ввести читателя в настроение, при котором повествование будет сильнее пережито». Этой же устойчивости впечатления содействует ритмика авторской речи: «Своей мерной речью художник держит во власти звуков, слов, образов и всех смыслов, которые им самим овладели» [Виноградов, 1936, с.32]. Заимствуя фольклорные тексты из работ Афанасьева, Сахарова, Терещенко и других, писатель дает их в сочетании с популярными народными песнями, с живыми народными обычаями и поверьями, воссоздавая исторические картины русской народной жизни.

В описании крещенского сочельника заключен комплекс примет, поверий, обычаев, гаданий: хозяйки собирают чистый крещенский снег, ставят мелом кресты на

дверях и окнах, ограждая себя от действия нечистой силы; хозяева чистят копыта у лошадей, чтобы не хромали в течение года; девушки ходят полоть снег, молодежь поет под окнами коляду. Несколько подробнее один из перечисленных выше обычаев дан в упомянутом ранее «Нижегородском словаре»: «Во многих местах сохранился обычай накануне Крещенского сочельника выгонять из селения нечистого духа, который, по поверьям, присутствует при святочных увеселениях. Молодые люди с кочергами, метлами бегут по деревне, крича на лучшие голоса, стуча в заслоны и лукошки и таким образом выгоняя нечистого за околицу. В крещенский сочельник над всеми дверями и окнами ставят мелом кресты, чтобы нечистый не воротился». В диалогии обычай гонять нечистого лишь упомянут.

Восьмая глава второй части романа «В лесах» начинается с описания церковного праздника — Пасхи. Ему писатель противопоставляет народное празднество — встречу весны, объединяя в одной картине и созданную им самим реконструкцию мифа о Громе Гремучем и народный обычай «окликать» покойников в день радуницы, посещая могилы на кладбищах и оставляя на них праздничные блюда и питье. В поминках писатель видит следы древнерусской поминальной тризны, а в «жалных» причитаниях — отголосок старинных песен древнерусским богам.

В этом «разделе впервые появляется образ веселого бога Ярилы. Вводя в роман образ Яр-Хмеля, Ярилы, писатель создает реконструкцию в стиле старинного сказа, мастерски объединяя и образ хмеля из народных плясовых песен, и народные приметы и поверья, приурочиваемые к весенним календарным праздникам, и отдельные детали народного обряда, посвященного похоронам Ярилы или Костромы. Создается яркий праздничный образ бога весны, солнца, плодородия: «...на головушке у него венок из алого мака, в руках спелые колосья всякой яри» (т. е. злаков яровых: пшеницы, овса, ячменя и пр.). Стиль народной сказки («Ходит Ярилушка по темным лесам, бродит Хмелинушка по селам-деревням») органически сочетается с художественно отредактированными строфами песен о хмеле: «Сам собою Яр Хмель похваляется: „Нет меня, Ярилушки, краше, нет меня, Хмеля, веселее — без меня, веселого, песен не играют, без меня, молодого, свадеб не бывает».

Если поверье о громе, хлещущем по небу золотой вожжой, полностью соответствует в романе мифологической трактовке Афанасьева, то хороводные песни и игры, исполняемые весной на Красной Горке («Серая утица», «Зайнька», «Селезень», «Горелки», «Заплетися, плетень», популярная «Зять ли про тещу да пиво варил»), игровые «просо сеют», «мак растут», «лен засевают» представляют современный писателю живой фольклор, записанный в Нижегородской губернии. Мельников и сам замечает, что

теперь вместо старинных «окличек» по покойникам на кладбищах раздаются другие песни: «Поют про „калинушку с малинушкой, лазоревый цвет“, поют про „кручинушку, крытую белой грудью, запечатанную крепкой думой“, поют про то, „как прошли наши вольные веселые дни да наступили слезовы, горьки времена"». Само перечисление этих песен говорит о знании писателем современного ему народного песенного репертуара.

Начало шестой главы этой же части посвящено дню солнцеворота, знаменующего «конец весны, начало лету». Заговоры на капусту и огурцы, заимствованные у Афанасьева, и здесь даны в сочетании с живыми обычаями и поверьями. Обычай «обеганья гряд» приведен писателем с такими конкретными бытовыми подробностями, что не остается сомнения — автор сам наблюдал этот обычай, как сам слышал приговор при вывозе навоза: «Чтобы лежал ровненько, уродил хлеба полненько». С большой достоверностью описан приезд булыни, бродячего торговца сельскохозяйственным инвентарем и скупщика льна (просуществовали до революции). Весь этот насыщенный фольклорно-этнографическими сведениями раздел заканчивается анекдотом про бабушку Маланью. Писатель показал необычайное разнообразие фольклорных жанров, сочетая живущие в народе присказки, песни, обычаи с книжными, реконструированными им самим, но сделал это так, что разнородные элементы составили цельную картину.

Стилизованное сказание про Ярилу и Мать-сыру землю дано как пролог к картине общерусского празднования дня Ивана Купалы. Купальские обряды и песни, записанные в Белоруссии и на Украине, старинный обычай добывания «живого» огня, нижегородские предания и поверья — все эти сведения объединены в нарядном описании русской обрядности. Элементы ее, кое-где сохранившиеся, скрупулезно перечислены: гулянья на Ярилином поле в Нижнем, похороны чучела Ярилы в Муроме и Костроме, изображения его на игрищах в Кинешме и Галиче. С именем Ярилы связывает писатель название озера Светлояр: «То озеро по имени старорусского бога Светлым Яром зовется {...}, где во времена стародавние бывали великие народные сходбища, сходился туда народ справлять великие празднества Светлому Яру» [Мельников, 1993, т. 1, с. 292—293].

Сведения, указывающие на существование культа Ярилы, собраны писателем из книжных и устных источников. Существование его в Нижегородской губернии подтверждают и более поздние публикации. Мельников сознательно стремился вскрыть элементы дохристианских народных верований, сохранившиеся в быту, путем привлечения книжных и устных этнографических данных.

В диалогию включены редкие тексты нижегородского песенного фольклора, например, упоминавшаяся выше бурлацкая песня (отрывок в двенадцать куплетов); в примечании к ней сказано, что в целом тексте упоминается больше трехсот местностей от

Рыбинска до Бирючей косы и всем «даются более или менее верные приметы». В науке о фольклоре полный текст этой песни не известен. Используя распространенные в Поволжье песенные тексты, писатель не подчеркивает их локальный характер, считая это, видимо, необязательным для читателя. Так, он дважды упоминает колыбельную песню, которая сулит «в золоте ходить, людям серебро дарить», но полностью текст ее не приводит; в «Нижегородском словаре» о ней сказано: «Повсюду распространена колыбельная песня „Спи, дитя мое, усни“. В ней поется:

*Выростешь большой — будешь в золоте ходить,
В руках серебро носить,
Нянькам да мамкам подарочки дарить».*

Считая песню общеизвестной, писатель записывает лишь фрагмент текста, который перефразирует в романе. Из нижегородского репертуара взяты песни «Чарочка», «Как по погребу бочоночек катается», «Летал голубь», «Ах, зачем меня мать пригожу родила» и др. Многие пословицы, поговорки, фразеологизмы, даже поверья, включенные писателем в ткань обоих романов, в близких вариантах были записаны позднее в Нижегородской губернии В. Г. Короленко.

Принцип соединения литературных и устнопозитических элементов наблюдается не только в композиции, но и в стиле повествования, в авторской речи. Широко используются элементы сказочного стиля: «Тому назад лет семьдесят ... жил-поживал бедный смолокур... Много годов работал, богатства смолою не нажил» [Мельников, 1993, т. 1, с. 14].

Знание народного языка ощущается в обилии народных фразеологизмов («делом не волоча», «семибатькин сын», «всё на вон-тараты» и пр.), синонимичных словосочетаний («глядел на нее божий мир светло-радостно»; «мглою-мороком кроется небо ясное»), тавтологических оборотов речи («цветы не цветно цветут», «не светло светит солнце яркое»). Писатель широко пользуется отрицательными сравнениями, постоянными эпитетами, сочетанием архаической лексики с просторечием («Возрадовалась бы я, во гробу его видючи в белом саване»). В характеристике представителей разных социальных групп писатель не только с документальной точностью передает лексические оттенки, но и его собственная авторская речь сохраняет соответствующие особенности: муж Акулины «велел ей идти, куда шла, и зря не соваться, куда не спрашивают» [Мельников, 1993, т. 2, с. 85]. В этих словах звучит сердитый окрик, хотя сказаны они самим писателем. Состояние огорченного Алексея автор передает его же языком: «В глазах у него зелень ходенем ходила, ровно угорел» [Мельников, 1993, т. 1, с. 370].

Архаическая лексика (тризна, вещьба, очи, златой) сочетается с лучшими достижениями литературного поэтического языка: «звездистые очи рассыпчатые»,

«звездистое небо». При сочетании разных лексических слоев с устойчивыми фольклорными фразеологизмами создается необычный стиль повествования. Эти особенности языка Мельникова дали повод некоторым его современникам упрекать писателя в искусственности, слащавости, стилизованности языка. Специальные исследования ученых-лингвистов показали, что в творчестве его отражены живые народные говоры и почти полностью отсутствуют слова, заимствованные из иностранных языков (даже фонтан назван водомётом).

«Он не подделывался под народный язык, язык раскольников или язык XVIII века, а писал так, будто сам вышел из народа или сам был раскольников», — писал о Мельникове А. И. Зморович. К особенностям прозы Мельникова относится и система переносных значений, обычно более характерная для романтиков и менее характерная для реалистов. Переносные значения слов и словосочетаний служат для писателя средством иронии, шутки, сарказма. В лексике такого рода скрыто отрицательное, неприязненное отношение писателя к тем или иным сторонам действительности: «подъехать с алтыном под полтину» — обмануть с выгодой для себя; «бумажка мягкая» — фальшивые деньги; «хвост веретеном» — фрак; «постные сливки, постное молоко» — спиртные напитки (ямайский ром и прочее). Для обозначения купеческого сословия употреблено множество синонимов: торгаши, рядовичи (торгующие в ряду), толстосумы, толстопузы, толстобрюхи, продажной совести купцы; продажность священников отражают их названия: святокупец, святопродавец; монахини — мокрыхвостницы, матери-келейницы — сухопары сидидомницы; в переписке раскольники употребляют тайнописание, «тарабарскую грамоту».

Яркий контраст создается лексикой, обозначающей быт народа и быт купцов в разных планах, но особенной яркости изображения достигает писатель в описаниях пищи. Главная еда лесорубов — черствый хлеб в виде сухарей в тюре, похлебка с грибами, гороховая каша с постным маслом. В скитах купцам подают осетровую (паюсную) икру, которая «блестит, как черные перлы», зернистую — жирную, «как сливки», «мерную стерлядь», «провесную белорыбицу — бела и глянцеви́та, как атлас», «балык величины непомерной, жирный и сочный». У купцов столы «строят», «учреждают»; пиво и брагу считают «сорокоушами» (бочки в 40 ведер) и так далее.

Увлеченность фольклором, признание его высокой эстетической и художественной ценности, как и углубленное изучение народных говоров, дали писателю возможность значительно полнее и шире демократизировать литературный язык, чем это делали другие писатели, его современники. Позднее по тому же пути демократизации литературного языка посредством соединения книжных элементов с фольклорными и народным

просторечием шли Н. С. Лесков, А. М. Ремизов, В. Я. Шишков, А. В. Амфитеатров и другие.

М. Горький высоко ценил язык Мельникова и считал его «одним из богатейших лексикаторов наших», на опыте которого следует учиться искусству использовать неиссякаемые богатства народного языка [Горький, 1939, с. 187].

§3. Лексические особенности диалогии

Диалогия Мельникова содержит обширный энциклопедический материал в отношении лексики. Это объясняется тем, что все герои романов имеют многогранную характеристику. Автор начинает знакомить читателя с героями очень отдаленно. Сначала, как правило, дается описание той местности, где живет действующее лицо, со всеми ее чертами: рельеф, реки, растительность, национальность местного населения, легенды, связанные с этим краем, а также читатель узнает и об особенностях строений и быта, основных промыслах, особенностях кухни... Далее Мельников рассказывает историю семейства героя и только потом включает его в повествование. Причем данные отступления, не стоят обособленно от основного содержания, а наоборот, помогают понять его.

Так, при знакомстве с купцом-тысячником, Патапом Максимычем Чапуриным, читатель узнает об особенностях Верхнего Заволжья. «Верховое Заволжье – край привольный. Там народ досужий, бойкий, смышленный и ловкий. Таково Заволжье сверху от Рыбинска вниз до устья Керженца. Ниже не то: пойдет лесная глушь, луговая черемиса, чуваша, татары. А еще ниже, за Камой, степи раскинулись, народ там другой ... Там новое заселение, а в заволжском Верховье Русь исстари уселась по лесам и болотам. Судя по людскому наречному говору – новгородцы в давние Рюриковы времена там поселились» [Мельников, 1993, т. 1, с. 6].

Уже этот фрагмент дает представление о насыщенности текста лексикой самого разного значения. Это и название городов, селений, рек, равнин, проживающих народностей с их характеристикой (народ досужий, бойкий, смышленный и ловкий), особенностей рельефа и так далее.

П. И. Мельников не оставляет без внимания и занятия местного населения: «Не побрел заволжский мужик на заработки в чужедальнюю сторону, как сосед его, вязниковец, что с пуговками, с тесемочками и другим товаром кустарного промысла шагает на край света семье хлеб добывать. Не побрел заволжанин по белу свету плотничать, как другой сосед его, галка. Нет, И дома сумел он приняться за выгодный промысел. Вареги зачал вязать, поярок валять, шляпы да сапоги из него делать, шапки

шить, топоры да гвозди ковать, весовые коромысла чуть ли не на всю Россию делать». Здесь писатель, благодаря тщательному отбору лексических средств, дает обзор промыслов не только Верхнего Заволжья, но и близлежащих районов. Дальнейшее повествование вводит нас дом Чапурина, описывая с особой тщательностью все боковушки, стряпушие, подклети, мастерские, мы узнаем о производстве и торговле горянщиной, о работе мельниц, о традициях «строить столы», «собирать помочь» и так далее.

С именами Смолокурова, Орошина, Веденеева, Меркулова связана история «Гор» (правая сторона Волги от устья Оки до Саратова) и рыбный промысел здешних мест с его особенностями. Читатель получает огромную информацию о *реюшках, бударках, курсовых, гусянках, тихвинках, кладнушках*, узнает о деятельности *солельщиков, дельщиков, икряников, жиротопов*... О шляпном промысле подробно рассказывается в истории семьи Заплатиных. Мы узнаем о производстве *ярославской верховки, гречушника, татарки* и их отличиях. Иконное дело, с его *басменным и сканным ремеслом, фряжским письмом* ... представляет Чубалов и так далее.

Благодаря использованию огромного количества лексики разных пластов, автору удалось создать некие микроуклады, микромиры в своих романах. Это мир скитов, мир купечества, крестьянства, промышленный мир и торговый, каждый из которых требует особого подбора лексики. Например, характеристика быта скитов будет требовать использования церковнославянизмов, так как неотъемлемой частью жизни в скитах является чтение молитв, писаний и разного рода церковной литературы.

Каков же источник обширных познаний автора в этой области языка?

Многочисленные исследования художественного творчества Мельникова-Печерского говорят о близости языковых особенностей с далевскими.

Люди одной эпохи, близкие по взглядам, с одинаковым интересом к «этнографизму», чиновники одного ведомства, одновременно изучавшие сектантство в России, десятилетиями жившие в дружбе, изъездившие всю Россию вдоль и поперек, В. И. Даль и П. И. Мельников-Печерский, естественно, в своей творческой деятельности были во многом созвучны друг другу.

Известно, что сам Мельников (Печерский) считал себя учеником В. И. Даля, давшего ему не только литературный псевдоним, но и направившего его к будущей литературной деятельности.

С 1846 года состоя чиновником особых поручений при Нижегородском военном губернаторе, Мельников-Печерский разбирал архивы местных правительственных учреждений и опубликовывал обнаруженные древние акты. С 1852 года, будучи назначен

начальником статистической экспедиции, и по 1857 год он занимался подробным описанием приволжских губерний, записывая по заданию Даля вместе с другими членами экспедиции говоры каждой деревни. Таковы были условия, позволившие ему глубоко изучить народную речь, ее оклад и лексику. Так же как и Далю, ему «где-то ни доводилось бывать?.. И в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатах, и в тесных кельях, и в скитах, и в дворцах, всего и не перечесть» [Усов, 1911, с. 25].

Совместно с Далем занятия, продолжавшиеся в Нижнем Новгороде с 1849 по 1859 год и далее, в Москве, поддерживали и укрепляли интерес к русской народной речи. Этот интерес к народной жизни у Мельникова-Печерского прослеживается с первых же его литературных опытов. Так, например, в «Дорожных записках на пути из Тамбовской губернии в Сибирь» (1839—1842 гг.) он часто употребляет народные слова и выражения (*вровень, вечер, вапница, кондовый, крашеница, обвенка, шлаг, пищук*), пермские «особенные» слова (*шаньга, гложить, заимка, угобзйти..*) с подробными объяснениями и делает некоторые фонетические и морфологические наблюдения над пермским говором.

В дальнейшем, в рассказе «Красильников» (1852), интерес писателя к народной речи еще возрастает «под тяготевшим над ним влиянием» В. И. Даля. Влияние это на художественных произведениях Мельникова-Печерского, в которых, по словам Бестужева-Рюмина, «русская душа русским словам говорит о русском человеке», очевидно. Непосредственное воздействие Даля и его «Толкового словаря» на Мельникова-Печерского отмечал в своих воспоминаниях сын беллетриста А. П. Мельников: «Влияние Даля, - пишет А. П. Мельников, - в этом рассказе («имеется в виду «Красильников», - М. К.) видно в каждой строке: оно выражается и, в оборотах речи, отчасти напоминающих К. Луганского, и в то и дело приводимых поговорках, иногда кажущихся как бы придуманными, но в сущности взятых из народного говора живыми и, вероятно, сообщенных Далем» [Канкава, 1971, с. 175].

Воздействие народной речи Даля особенно чувствуется в лексике и в пословично-поговорочной фразеологии рассказа. Если вспомнить, что пословицы и поговорки приводились Далем в порядок в Нижнем по «рамашковой системе» при ближайшем участии Мельникова-Печерского, то использование последним пословиц и поговорок Даля должно казаться вполне оправданным.

Сравнительно, сильнее воздействие Даля на Мельникова-Печерского выступает и в самом большом и оригинальном этнографическом романе Мельникова «В лесах». Роман в изобилии насыщен элементами устно-народного творчества и этнографическим материалом; в нем дано яркое изображение бытовой обстановки приволжских областей.

Все это нашло свое отражение в языке романа, в его народной лексике, оборотах речи и фразеологии, в которых нетрудно обнаружить определенное влияние народной стихии, в частности «Толкового словаря». Не подлежит сомнению, что «Роман местами очень близок к Словарю Даля, особенно когда автор говорит о ложкарном промысле, об истории русской шляпы и картуза, о названиях Северного края, о народных святцах» [Канкава, 1971, с. 176].

Эта близость особенно выпукло проявляется там, где автору, не удастся отлить в художественную форму привлекаемый им лексический материал. Тогда он принужден в своих сносах и в подстрочных примечаниях объяснять такие слова. Это, как правило, касается устаревшей лексики. В таких случаях иногда делается ссылка на «Толковый словарь», в большинстве же случаев автор пытается самостоятельно объяснить их, но, без сомнения, черпает эти объяснения из «Толкового словаря».

Авторское значение подразумевает:

- 1) сноску (например, слова: *купилы, чекмень, ичеги, кладнушка, дощаник, шитик, кутафья* и т. д. имеют авторские комментарии в виде сносок в конце страницы);
- 2) уточнение значения в примечаниях в конце каждого тома дилогии (так мы можем узнать значение слов: *кочедык, расшива, крупчатка, головища, бурак, мишенник, мотовило, метание...*);
- 3) объяснение значения в контексте или в дальнейшем повествовании романа (например, выражение «свадьба уходом» встречается уже на первых страницах дилогии без какого-либо авторского комментария, а в 7 главе объяснению этого выражения отводится несколько страниц: «*“Свадьба уходом”* - в большом обыкновенье у заволжских раскольников. Это – похищение девушки из родительского дома и тайное венчание с нею у раскольникового попа, а чаще в православной церкви...» [Мельников, 1993, т. 1, с. 65].

В итоге количество слов, значения которых указаны в обоих источниках – 310. Сравнительный анализ показал, что из этих 310 слов, сходное значение имеют – 284, незначительные различия в значениях – 14 (*казначая, свитка, часы править, исправлять, спасенье, стопа, жбан, жуколы, канаус, клевищик, чаруса, побывишить, прокудить*), разные значения – 12 слов (*иночество, сирота, стая, волокуша, отецкие, кика, тайник, чупаха, dospелый, постава, путик, зеленуха*).

Пример незначительных различий в значениях может служить слово «жуколы»: У П. И. Мельникова – это «коровы, обходившиеся во время первого сгона на поля», а в «Толковом словаре» В. И. Даля – «ЖУКОЛА, жуколка ж. костр. черная корова».

В качестве примера различных значений рассмотрим слово «зеленуха»: авторское значение – «трехрублевая бумажка», у Даля – «Зеленуха, зеленая, травяная лягушка. | пенз. горнушка, кашничек с зеленой поливой».

Несмотря на явную зависимость в таких случаях Мельникова-Печерского от Даля, все же было бы ошибочным видеть в его языке лишь одно подражание Далю. Как это замечает один из исследователей языка Мельникова-Печерского, А. Зморевич: «Автор замечательных романов и повестей при всей своей близости к «Толковому словарю» Даля все-таки сумел сохранить независимость в языке, относясь иногда даже критически к стилистическим приемам Даля».

Однако несомненно и то, что, по мнению того же исследователя, Мельников-Печерский «до конца своей жизни оставался поклонником Даля, как знатока русской речи, и высоко ценил его Словарь», считая труды Даля настольными книгами для каждого русского писателя, "желавшего писать «чистым и притом живым русским языком».

Заключение

Русский национальный писатель П. И. Мельников-Печерский стоит в ряду своих замечательных современников – Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. Ф. Писемского, С. А. Аксакова, Н. С. Лескова, В. И. Даля. Особенность творчества Мельникова – богатство фактического исторического и этнографического материала, чистота и образность подлинного русского слова. Его произведения – уникальный и вместе с тем универсально значимый художественный опыт русского национального самопознания.

Диалогия «В лесах» и «На горах» является своеобразной энциклопедией жизни Заволжья второй половины XIX. Создание романов потребовало от автора многолетней работы по исследованию раскола, изучению народной речи, фольклорных традиций. Умение П. И. Мельникова облечь результаты этой работы в рамки художественного произведения и является определяющим в отношении особенностей языка диалогии.

На основе анализа можно выделить следующие языковые особенности:

1. П. И. Мельников чрезвычайно точно передавал оттенки общенародного языка и местных говоров, виртуозно владел разговорными пластами русской речи. Недаром языковеды указывали, что по произведениям Мельникова можно изучать диалекты Заволжья.
2. Автор умело использовал фольклорные мотивы в тексте диалогии. Он нередко прибегал к рассказу, напоминающему былинку, народную песню, причитание... И это не стилизация, а глубочайшее проникновение в духовное состояние героя.
3. Одним из компонентов романа является устаревшая лексика. Это объясняется стремлением автора к точному воссозданию исторической картины и колорита описываемого времени.

Рассмотренные в работе языковые особенности диалогии П. И. Мельникова «В лесах» и «На горах» позволяют утверждать, что писатель способствовал расширению литературного языка за счет сближения его с языком народным. Эта тенденция является одной из причин того, что многие страницы романа давно стали классическим образцом русской прозы.

И «останутся эти романы в живой культуре столько, сколько будет существовать в ней русская тема, сколько будут в грядущих временах возникать ситуации, для которых русский духовный опыт окажется спасительным» [Аннинский, 1988, с. 196].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I

1. Каримов И. Юксак маънавият – енгилмас куч. – Т. Маънавият, 2008.
2. Каримов И.А. Биздан озод ва обод Ватан қолсин. Т.; «Фан», 1994
3. И.А.Каримов. Ўзбекистон мустақилликка эришиш остонасида. Т.2011
4. Наша главная задача – дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. - Доклад президента Ислама Каримова на заседании Кабинета Министров, посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2009 году и важнейшим приоритетам экономической программы на 2010 год // Народное слово, 30 января 2010 года.

II

1. Аннинский Л.А. Мельников становится Печерским // Литературная учеба. -М.,1988
2. Бабушкин Н.Ф. Творчество народа и творчество писателя. – Новосибирск.-М.,2002
3. Виноградов Г.С. Фольклорные источники романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах» // Советский фольклор.-М.,1936.
4. Власова З.И. П.И. Мельников-Печерский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX век.-М.,1982
5. Горький М. История русской литературы.-М.,1939.
6. Даль В. А. Толковый словарь живого великорусского языка.-М.,2005
7. Ежов И.С. П.И. Мельников (Андрей Печерский) // Мельников П. И. В лесах.- М.,1956.
8. Еремин М.П. П.И. Мельников (Андрей Печерский). Очерк жизни и творчества // Мельников П.И. (Андрей Печерский). Собр. соч. М,1960.
9. Еремина В. И. Ритуал и фольклор // под ред. Горелова.-М.,1976
10. Измайлов А. П.И. Мельников-Печерский. // Полн. собр. соч. П. И. Мельникова.- М,1909.
11. История русской литературы // ред. Головенченко Ф.М.-М.,1997.
12. Канкава М.В. О влиянии В.И. Даля на стиль писателей этнографической школы // Поэтика и стилистика русской литературы.-М.,1971
13. Лотман Л.М. П.И. Мельников-Печерский // История русской литературы. – М.,1956
14. Лотман Л.М. П.И. Мельников-Печерский. Роман из народной жизни. // История русского романа...
15. Мельников П.И. (Андрей Печерский). В лесах. Т.1– Саранск.-1993

16. Мельников П.И. (Андрей Печерский). На Горах.Т.2 – Саранск -1993
17. Мещеряков В. П.И. Мельников-Печерский и его роман «В лесах» // Мельников П.И. В лесах. – Пермь,1977.
18. Николаева Е.В. Перечитывая эпопею Мельникова-Печерского // Литература в школе.-М.,1999
19. Прокофьева Н.Н. Мельников-Печерский // Литература в школе.-М.,1999
20. Соколова В.Ф. Еще раз о фольклорных источниках романа П. И. Печерского «В лесах» // Поэтика и стилистика русской литературы.М.,1999
21. Соколова В.Ф. К вопросу о творческой истории романов П. И. Мельникова «В лесах» и «На Горах» // Русская литература.-М.,2001
22. Шешунова С.В. П.И. Мельников // Русские писатели 1800-1917 (биографический словарь).-М.,1993
23. Янчук Н.А. П.И. Мельников (Андрей Печерский) // История русской литературы XIX века // под ред. Овсяннико-Куликовского Д.Н.-М,1911.